

“За революционную оппозицию левоцентристам”

Мы продолжаем знакомить наших читателей с публикуемыми впервые документами нашей марксистской школы. Доклад Черветто на 2-й конференции Движения коммунистической левой, состоявшейся в Риме 30 июня 1962 года представляет собой ещё один наглядный пример использования марксистского метода, связывающего анализ капиталистического развития и социальных изменений с задачами революционного меньшинства в конкретный исторический момент.

Происходит формирование всё более многочисленного пролетариата с ярко выраженным участием молодёжи и женщин. Этот пролетариат формируется не только в промышленном треугольнике [данные], но и в других регионах Центральной Италии [Эмилия, Лацио и т. д.: данные] и Юга [данные об индустриализации и полюсах развития].

Более того, даже в сельской местности традиционный сельскохозяйственный пролетариат пережил процесс технологического преобразования, который значительно сблизил его по специализации с промышленным пролетариатом.

Необходимо проанализировать две формы пролетаризации: увеличение доли “белых воротничков” в промышленности и расширение использования наёмного труда в сфере услуг [...]. В 1956 году эти две тенденции были истолкованы нахлынувшей волной оппортунизма как рост некоего “среднего класса”, с которым, якобы, необходимо было объединиться и слиться на “итальянском демократическом пути к социализму” (существует бесконечное множество теорий такого рода: от ИСП – открытых сторонников “неокапитализма”, – до ИКП и различных ревизионистских групп с парадом собственных журналов).

Мы отвечали на это, что, за редкими исключениями, связанными с особыми формами капиталистического развития в Италии, “генеральная линия” капитализма могла лишь следовать англосаксонской модели (ещё Маркс указывал на США и Англию как на образцовые капиталистические общества [...]).

Речь не идёт о некоей упрощённой схеме, но в общих чертах США – это то общество, к которому мы придём через несколько лет. Мы должны учитывать это в нашем экономическом и политическом анализе, чтобы очистить почву от множества ложных вопросов и овладеть более совершенной марксистской методологией. Марксисты работали с “Капиталом” в то время, когда он служил анатомией Англии, и многие обнаруживали национальные особенности (вспомним полемику Ленина с народниками о путях капиталистического развития России). Марксисты оказались правы. Сегодня в качестве канвы мы имеем США. Мы должны уметь работать с отдельными формами (и только формами) итальянского и европейского развития вокруг этой канвы. Причём наша задача значительно облегчается тем, что мы знаем, как развивается итальянское общество. Тогда мы привели данные о процессе пролетаризации в США и Англии (а также о соответствующем обезлюдении деревни). Шесть лет подтвердили эту общую тенденцию. Сейчас уже почти никто не теоретизирует о развитии “среднего класса”, а дискуссия в Институте Грамши между правыми и левыми оппортунистическими течениями велась вокруг проблем пролетаризации, которые мы обозначили. Трентин¹ теперь отказался от концепции независимого “среднего класса” и говорит о “технических специалистах”, с которыми нужно объединяться в борьбе против “отчуждения”, вызванного монополиями [...]. Тем не менее необходимо снова и снова утверждать правоту марксистской теории о неизбежном исчезновении мелкой буржуазии как элемента производственной сферы. [...]

Даже развитие мелкого производства (промышленного, ремесленного, сельскохозяйственного) уже является автономным, а подчинено крупному капиталистическому производству и координируется с ним (как финансово, так и технически). Развитие пролетаризации, таким образом, обостряет основное противоречие между обобществлением процесса производства и производственными отношениями.

В отличие от прежних кризисов, теперь появляется новый фактор: высокая степень постоянной и органической пролетаризации. Именно этот фактор, а не просто высокий уровень пролетаризации, становится определяющим. То, что окончательно вовлекает все

социальные силы в водоворот кризиса, – это не столько стагнация или паралич капиталистической экономики (с вытекающей отсюда безработицей и т. д.), сколько невозможность найти даже кратковременное решение, момент передышки в виде расслоения общества, демобилизации пролетариата и его перехода в другие страты.

На данный момент это является одновременно и причиной, и следствием расширения внутреннего рынка (миллионы людей урбанизируются, оставляют натуральное или полунатуральное хозяйство мелкого сельскохозяйственного производства, дают мощный импульс капиталистическому меркантильному потреблению (жильё, услуги, автомобили, электроприборы) промышленных товаров и продуктов питания (сельское хозяйство всё больше втягивается в оборот крупного капиталистического агропромышленного комплекса, вытесняя мелких производителей).

Рост потребительского спроса – один из факторов высоких темпов промышленного развития, а поскольку ресурс рабочей силы огромен, можно ожидать, что они будут поддерживаться выше и дольше, чем в других странах Общего рынка. Кроме того, высокая доля экспортируемой промышленной продукции в общем объёме промышленного производства свидетельствует о том, что Италия становится индустриальной платформой для завоевания отсталого африканского рынка. На наш взгляд, учитывая низкую восприимчивость этого рынка и сильную империалистическую конкуренцию, можно предположить, что эта тенденция будет очень медленной и что в ближайшей перспективе главным двигателем итальянской промышленности останется внутренний рынок, а не экспорт в отдалённые страны (впрочем, этот вопрос требует отдельного изучения).

В любом случае эти две тенденции идут параллельно и подпитывают друг друга. Можно предположить, что в определённый момент потребность в экспансии за пределами внутреннего рынка возобладает, особенно когда внутренний рынок окажется насыщенным. Тогда империалистическая зрелость Италии и её конкурентная агрессивность будут усилены, особенно в тот момент, когда зрелость и экспортные амбиции других стран будут превосходить итальянские (что, впрочем, происходит уже сейчас), а мировой рынок окажется неспособным вместить всех претендентов. Тогда мы увидим первые симптомы кризиса и сильную политическую подвижность (движение мелкой буржуазии, которой будет нанесён удар; прежде всего, она лишится возможности спокойно использовать небольшие доли “капиталистического богатства”, кризис мелкобуржуазного реформизма, создание массовой базы фашизма и т. д.).

Если у пролетариата или хотя бы у значительной его части есть шанс депролетаризоваться, если у него есть объективная возможность одной ногой оставаться в деревне, тогда, чтобы спасти себя физически, он вернётся туда обеими ногами (именно это происходило во время всех крупных кризисов капитализма, вплоть до 1920 года в России – и неспособность понять этот процесс является одним из ключевых изъянов “теории краха”). Ни один класс физически не погибает от экономического паралича. Человек возвращается к земле, чтобы прокормить себя. Если пролетариат не найдёт партию, которая организует его в единую штурмовую массу в условиях экономического маразма, если над ним сохранится гегемония оппортунизма, он рассыплется. (В этом, возможно, кроется ответ на один из важнейших революционных вопросов: почему в 1918 году Россия осталась в изоляции?) Чтобы кризис мог привести лишь к окончательному решению, нельзя оставлять социальным классам никакого выбора, кроме прямого добового столкновения.

Так учил Ленин, и об этом часто забывают: пролетариат должен осознавать, что возврата назад нет. Он непременно должен идти вперёд, и поэтому его целеустремлённая стихийность непременно становится революционной силой и подпитывает свою партию, подпитывает своё руководство, темпы отбора руководящих групп становятся тем быстрее и беспощаднее, чем более повелительным и принудительным становится стремление идти вперёд (темп революции становится тем выше, чем быстрее развивается экономический цикл в стране, где производительные силы достигли такого уровня, что их длительная остановка оборачивается уже не просто кризисом, а крахом всей цивилизации и возвращением к варварству. Россия благодаря своей огромной деревне могла сопротивляться годами, Европа – нет, справедливо указывал Троцкий).

Тенденции капиталистического развития Италии закладывают объективные основы для того, чтобы пролетариат не распался в условиях кризиса. По мере развития

капиталистических сельскохозяйственных предприятий будет неотвратимо разорвана пуповина, связывавшая пролетариат с сельским хозяйством. Итальянская экономика будет всё больше зависеть от мировой торговли в рамках международного разделения труда. Кризис не оставит пространства для отступления, не в последнюю очередь потому, что по своей природе он будет носить международный характер. Эта перспектива, являющаяся результатом анализа тенденций капиталистического развития (иначе зачем бы нужен был этот анализ?), ставит на чрезвычайно важный уровень — ещё более остро, чем в прошлом — проблему взаимоотношений между партией и классом, то есть проблему присутствия и научной роли партии, проблему стихийности.

2) Классовая борьба в Италии

Каковы особенности нынешнего этапа классовой борьбы?

И какими будут характеристики её будущего развития?

Определение характеристик хода классовой борьбы означает, по сути, определение отношений между партией и классом в конкретный момент. Это означает помещение этих отношений на конкретно историческую почву.

Основными характеристиками мы считаем следующие:

а) Формирование рынка рабочей силы на определённом уровне, на который воздействуют многочисленные сложные факторы.

В сущности, можно сказать, что формирование этого рынка имеет тенденцию к повышению стоимости рабочей силы (меновой стоимости средств существования и воспроизводства рабочей силы), к повышению цены рабочей силы (цена – это денежное выражение стоимости рабочей силы, но, как объясняет Маркс, стоимость рабочей силы никогда не реализуется полностью через цену, поэтому борьба за реализацию стоимости идёт всегда). Поэтому не политика так называемой “высокой заработной платы” расширяет капиталистический рынок (как если бы рынок сводился только к потреблению товаров, а не был прежде всего рынком рабочей силы как товара!), а, напротив, цена рабочей силы на рынке определяет политику высокой заработной платы. Идеалистическое мышление часто путает проявление с причиной, и на эту ошибку нередко наталкивается даже революционная критика оппортунизма. Революционная критика считает, будто неокapитализм повышает зарплаты, чтобы проводить реформистскую политику в отношении рабочего класса и расширить рынок сбыта промышленных товаров длительного пользования. То, что рост зарплат наблюдается прежде всего в автомобильной промышленности (Ford-FIAT), вводит в заблуждение. В действительности заработная плата (= цена рабочей силы) определяется рынком, а не потреблением. Некоторые отрасли с высоким органическим строением капитала могут устанавливать цену (зарплату) за специализированную рабочую силу выше, чем в среднем по стране. Но цена рабочей силы (и её потребление) зависит от национального рынка и его развития (а также напрямую – от промышленной резервной армии, т. е. промышленной безработицы, и косвенно – от неполной крестьянской занятости).

Когда этот процесс развития будет исчерпан, когда цена рабочей силы приблизится к реализации её стоимости, начнётся обратное движение, т. е. дальнейший рост органического строения капитала и реформирование промышленной резервной армии (технологическая безработица, автоматизация, как в США). Цена рабочей силы, таким образом, пропорциональна её развитию. Сегодня в Италии она низкая.

б) Вот показательный вопрос: высокие темпы накопления и развития – и низкие зарплаты. Как такое возможно? Это явление характерно для раннего и стремительного периода накопления и пролетаризации. При наличии крестьянского резерва рабочей силы стабильный рынок труда не образуется. Мелкое производство ещё больше снижает цену рабочей силы по сравнению с её рыночной возможностью. Частичная урбанизация делает всё остальное.

в) Так мы подходим к третьей характерной черте: классовая борьба, типичная для высокого уровня индустриализации, но при этом с низким уровнем заработной платы и неадекватной профсоюзной организацией. Отсюда её радикализация (низкий уровень зарплаты) и её стихийность (отсутствие профсоюзов). Может ли существовать такое несоответствие? Мы считаем, что да, по крайней мере на какое-то время.

Низкая заработная плата. Бурная пролетаризация всё ещё продолжается в условиях хаоса на рынке труда и в его структуре, усугубляемого существованием так называемого “архаичного капитализма” (исторический пример тому – США 1910–1920 годов, время большой трансокеанской иммиграции и, соответственно, нестабильного и хаотичного рынка труда. Наибольшая стабильность наблюдается в традиционных секторах – традиционные и специализированные рабочие, давно организованные в старые профсоюзы “по профессиональному признаку”. Новая неквалифицированная и иммигрантская рабочая сила несиндикализована и вступает в конфликт с “отраслевыми профсоюзами”, которые осуществляют своего рода профсоюзный протекционизм. В тридцатые годы она станет манёвренной массой нового “отраслевого профсоюза” – КПП Льюиса и “Нового курса”)².

Таким образом, даже на рынке труда мы можем иметь узкие места, несоответствие между “оптовыми” и “розничными ценами”, трудности в установлении средних цен на национальном рынке. Это приводит к тому, что в борьбе рабочих сходятся два направления: тред-юнионистское стремление верхних слоёв к повышению уровня потребления и живая потребность выйти из области “низкой заработной платы”, не соответствующей состоянию рынка и частичной ситуации полной занятости. В этом смысле борьба рабочих является проявлением мобильности рабочей силы.

Стихийность. Она вытекает из объективной ситуации, которую мы проанализировали. Это тред-юнионистская стихийность, характеризующаяся недоверием к профсоюзам, поскольку у них нет организации, способной распространяться, заявлять о себе, навязывать себя.

Это не принципиальное недоверие, которое предполагало бы высокую степень политизации, – скорее, это недоверие к тому, чего просто нет. К этому добавляется отражённое недоверие к партийности профсоюзов (профсоюзы как выражение партий), что является следствием неоформленного политического антипарламентского индифферентизма (типа французского, но гораздо менее сильного) или, лучше сказать, отсутствия интереса к официальной политике. Если для электоральной политики достаточно одного бюрократического аппарата, поскольку она не предполагает стихийности, то в рабочей борьбе бюрократический аппарат либо опирается на низовых активистов (которые ещё были вчера, но сегодня исчезают), либо должен опираться на структурированное профсоюзное законодательство и специализированную государственную бюрократию (вроде Министерства труда США с его обширными функциями и организацией). В Италии эволюция этих надстроек находится на той же стадии, что и хаос на рынке труда.

Отсюда сильная стихийность, которая сохранится в ближайшие годы и даже с экстремальными пиками. Эволюция надстроек, с другой стороны, происходит медленнее, чем эволюция базиса. Более того, эту эволюцию тормозят:

1) Традиция политизированности и партийности профсоюзов и профсоюзных масс, при которой “политическое сознание” и “профсоюзное сознание” означают одно и то же, члены партии – это члены профсоюза, а следовательно, “профсоюзного сознания” не существует в принципе (опрос, проведённый в 1962 году ACLI³ в Турине, т. е. в одном из крупнейших рабочих центров, итальянском Детройте, показал, что только 25 % рабочих являются членами профсоюза, и лишь 19 % интересуются политикой. Поэтому в профсоюзы вступают только те, кто интересуется политикой).

2) Эта традиция давит не только на массы, но и на профсоюзную бюрократию, представляющую собой сборную партийную бюрократию, неспособную и неопытную в вопросах рынка труда, бюрократию, лояльную партиям, которые её “пристраивают”, бюрократию престарелую, лишённую специалистов по профсоюзной работе. Активисты являются слабой версией бюрократов, поскольку очень часто в бюрократы “выдвигают” именно активистов (“многостаночников”, занятых в профсоюзе, партии, обществе дружбы Италия – СССР и т. д.), и более того, они не могут установить организационный контакт с новым пролетариатом, который, вдобавок, отличается большей образованностью, информированностью и, следовательно, меньшей наивностью по сравнению с пожилыми активистами.

В силу тесных взаимосвязей в профсоюзах воспроизводится тот же негативный феномен, что и в партии, членами которой являются пожилые фидеисты, а молодого пополнения не хватает.

Это порождает замкнутый круг: политические активисты – профсоюзные активисты – профсоюзная бюрократия, что значительно задерживает формирование профсоюзной бюрократии американского типа. Стихийность рабочих – результат этой задержки. Даже в США, с совершенно другой профсоюзной бюрократией и с совершенно другими ресурсами, в 1930-е годы Льюису пришлось платить командам “профессиональных организаторов” (специалистов, подобных тем, что организуют коммерческие сети и рекламные кампании), чтобы продвигать КПП в новых промышленных зонах. В Италии объединённый профсоюз тоже придёт к этим организационным мерам, а если это не сделает он, то CISL⁴ придёт к ним самостоятельно.

3) Политическая традиция, переплетающаяся с рабочей стихийностью, может, однако, сыграть положительную роль для деятельности Революционной партии, которая участвует в борьбе рабочих, прежде всего, для формирования кадров. Необходимо ясно видеть тред-юнионистскую тенденцию рабочей стихийности в ходе текущей классовой борьбы, иначе мы закончим теориями “революционной стихийности” или практикой нового “максимализма” в рамках нашей тактики “революционной оппозиции левоцентристам”. Но вместе с тем мы должны уметь распознавать классовые корни и революционный потенциал в каждом эпизоде рабочей борьбы, какой бы стихийно тред-юнионистской она не была, иначе мы закончим теориями профсоюзного нео-абсентеизма как раз в тот момент, когда открываются возможности для революционных меньшинств.

Мы не принимаем тезис *Socialisme ou Barbarie*⁵ (выдвинутый Карданом и озвученный в *Quaderni Rossi*⁶), согласно которому на определённой стадии технологического развития, концентрации капитализма, иерархизации и бюрократизации предприятий и при высокой заработной плате – даже самое простое требование рабочих якобы бьёт в самое сердце противоречий производственной системы, сразу затрагивает фундаментальные отношения между капиталом и заработной платой и становится объективно революционным, то есть якобы уже не может быть объективно профсоюзным (как утверждал Ленин, но, по мнению Кардана, это было справедливо лишь тогда, на прежнем уровне производства, а сегодня уже не актуально и преодолено).

Принять этот тезис – значит свести всё к фабрике и игнорировать капиталистическую государственную организацию, не видеть неравномерного развития капитализма и пролетариата, значит отменить, как это делает Кардан, ленинистскую концепцию партии (которая рассматривает тред-юнионистскую стихийность в качестве необходимой предпосылки) в пользу “неопределённой революционной организации”, рабочих советов, низовых комитетов и тому подобного.

Это означает желание реализовать классовое единство не в партии, а в наиболее технологически развитых отраслях (что абсурдно и неисполнимо). Мы ясно видим разницу между стихийностью, свойственной определённому уровню производственного и организационного развития, и стихийностью, проникшей на более высокий уровень. Именно потому, что классовая борьба – величайшее противоречие капитализма, она становится тем острее и болезненнее, тем глубже проникает в сердце этой системы, чем более дряхлым и изношенным становится сам капитализм. Так происходит и в контрреволюционный период, например, в нынешний, и именно по этой причине нынешняя контрреволюционная фаза, в отличие от предыдущих, характеризуется более острой и взрывоопасной по своему содержанию классовой борьбой, несмотря на явно выраженную тенденцию к тред-юнионизму. Это может показаться формальным противоречием, но с диалектической точки зрения это не так. Именно поэтому сегодня политическая работа революционных групп в рабочем движении возможна даже в большей степени, чем вчера.

Однако вопреки мнению стихийников – и даже на основании тех немногих аспектов, которые они по отдельности улавливают, но не способны связать в единую стратегическую концепцию, – ленинистская функция партии становится ещё более необходимой, ещё более актуальной, чем ранее. И именно особенный, противоречивый характер рабочей стихийности отражает – на уровне “зачаточного классового сознания” – накопление взрывных противоречий капиталистического процесса производства (максимальное противоречие между развитием производительных сил и производственными отношениями) именно в контрреволюционной фазе (то есть в фазе экономического развития, усиливающей накопление противоречий и проявляющей все симптомы будущего кризиса –

если бы это было не так, кризис был бы для нас чем-то внезапным и неизвестным). Именно этот особый стихийный характер классовой борьбы в нынешней контрреволюционной фазе ещё острее ставит вопрос о роли партии, делает её подготовку и присутствие абсолютно необходимыми.

Развитие производительных сил и нарастающая стихийность рабочего движения на всё более противоречивой социальной почве в конечном счёте ставит отношения партии и класса на более высокую ступень, потому что выше и сложнее становятся задачи (а значит, стратегия, тактика, подготовка), которые эти отношения должны решать.

3) Роль революционной партии в Италии

Роль революционной партии занимает центральное место. Именно на основе понимания этой роли будет формироваться партия в Италии. Поэтому речь идёт не только о верности ленинистской концепции партии и не только о защите этой концепции от натиска ревизионистов и стихийничества.

Это, прежде всего, предложение альтернативы и инструмента для текущей и будущей классовой борьбы, чего стихийничество предложить не в состоянии. Без распространения сознания роли партии даже самая передовая рабочая стихийность (которую мы в известном смысле предвидим), даже самая открытая рабочая борьба, в силу общей тенденции, в которой они действуют, и в силу общих результатов, с которыми они столкнутся, закончится растерянностью, разочарованием, унынием и опасными поворотами на “стихийном фронте” (всегда подвижном, открытом, с неясными “начальным и конечным пунктами”).

Действие “стихийного фронта” справа от нас (“активистской” версии текущего курса классовой борьбы) – в качестве диафрагмы между нами и оппортунизмом – является вопросом, требующим решения на уровне концепции партии.

В полемике со стихийничеством мы конкретизируем и развиваем концепцию партии. Таким образом, в Италии концепция партии разрабатывается и реализуется в борьбе с бордигистским органическим централизмом с одной стороны и со стихийничеством – с другой.

Стихийничество в Италии было и будет ограниченным явлением, учитывая исторические традиции и присутствие революционных меньшинств, “малых революционных партий” с их “партийным духом”. Эти группы в определённой степени сумели привлечь к себе тех, кто в противном случае пополнил бы ряды стихийников и расширил бы так называемый “стихийный фронт”, который, по правде говоря, очень мал и не может даже сравниться ни с одной из трёх революционных “партийных групп” (*Quaderni Rossi* – это маленькая и совсем не однородная группа; *Unità Proletaria*⁷ – ещё меньше; *Democrazia Diretta*⁸ – то же, и вообще прекратила выход после третьего номера и т. д.) и, конечно, неадекватен реальной и, конечно, более широкой рабочей стихийности. Короче говоря, у стихийников есть определённое пространство, которое они не знают и не могут использовать, и которое вряд ли смогут использовать в полной мере. В любом случае, мы не боимся стихийничества: в условиях итальянской традиции и ситуации оно никогда не станет организованным явлением (как это было с USI⁹). Пространство, занимаемое “стихийниками”, было бы термометром реальной стихийности.

Мы всегда сможем работать со стихийностью, потому что у нас будет преимущество программы и организации, и нас никогда не будет затягивать в неё. Напротив, в определённой мере мы даже рассчитываем, что там, куда не дотягиваются три вышеупомянутые группы, стихийность сама оформится в организации стихийников.

Именно развитие классовой борьбы – в тех характеристиках, которые мы рассмотрели, и для тех задач, которые она ставит – будет всё больше и больше выдвигать необходимость в партии. Без партии, без анализа, который может дать только марксизм, организованный в форме партии, рабочие группы не смогут даже в малейшей степени понять социальные явления, вытекающие из империалистической фазы капитализма. Без этого анализа (который всё больше требует высокой степени марксистской подготовки) любая привязанная к “конкретике” стихийность, в конечном счёте, деградирует в разновидность оппортунизма (функция империалистической сверхприбыли и т. д.: то, что стихийники, упёршиеся взглядом в фабрику, не в состоянии увидеть).

Таким образом, процесс формирования партии осуществляется в двух направлениях.

а) Активное вмешательство в борьбу рабочих. На этой почве мы призываем всех революционных рабочих объединиться в “революционную оппозицию левоцентристам”. На этой почве возможно сближение и фактическое взаимопонимание между всеми революционными группами. Так может произойти на почве профсоюзной фракции в CGIL¹⁰ (нашей фракции, или фракции всех революционеров).

б) Революционное единство (место встречи в рабочей борьбе). Мы всегда программно стремились к революционному единству. У нас много точек соприкосновения и много точек разногласий. Есть фундаментальные пункты, есть второстепенные. По фундаментальным пунктам до сих пор нет согласия. Но процесс революционного единства, то есть процесс идеологического единства, находится на той стадии, которая не может исключать медленного процесса объединения.

¹ - Трентин Бруно (1926–2007) – итальянский профсоюзный и политический деятель. Член ЦК ИКП с 1960 г., депутат парламента с 1963 г. В 1962 г. был избран генеральным секретарём FIOM. Генеральный секретарь CGIL с 1988 по 1994 г. В 1999 г. избран в Европейский парламент по списку Левой демократии.

² - Конгресс производственных профсоюзов (КПП) был основан в 1935 году с целью распространения профсоюзной организации на неквалифицированных и полуквалифицированных рабочих, но вскоре вступил в конфликт с лидерами Американской федерации труда (АФТ), которые были непреклонны, отстаивая создание профсоюза только для квалифицированных рабочих. В 1955 году произошло слияние с образованием АФТ – КПП. Джон Л. Льюис, президент профсоюза шахтёров и один из главных пропагандистов и вдохновителей нового профсоюза, был также первым председателем КПП.

³ - Associazioni Cristiane Lavoratori Italiani – Христианские ассоциации итальянских трудящихся.

⁴ - Confederazione Italiana Sindacati Lavoratori – Итальянская конфедерация профсоюзов трудящихся.

⁵ - “Социализм или Варварство” – *Орган революционной критики и ориентации* (как указано под названием) – журнал одноимённой французской политической группы, которая образовалась в марте 1949 года, порвав с французской секцией троцкистского IV Интернационала по вопросу о социальной природе СССР, признанного не «*вырождающимся рабочим государством*» и не «*государственным капитализмом*», а «*бюрократическим капитализмом*». В дальнейшем, в основном благодаря перу своего главного выразителя Поля Кардана (Корнелиуса Касториадиса), он стал пропагандистом крайней стихийности, отрицающей понятие ленинистской партии. Журнал перестал выходить в 1965 году.

⁶ - “Красные тетради” – журнал, основанный в 1961 году группой “еретиков” из ИСП и ИКП, включая Раньеро Панциери (1921–1964) и Марио Тронти (род. в 1931). Журнал, имевший ориентацию стихийного операизма, издавался с 1961 по 1966 год Институтом Родольфо Моранди в Милане.

⁷ - Журнал одноимённой группы стихийного операизма, издававшийся в Кремоне в период с 1959–1962 гг., вышло одиннадцать номеров.

⁸ - *Вестник борьбы и рабочей демократии*, издавался в Генуе с июня по октябрь 1961 года, вышли три номера.

⁹ - Итальянский профсоюзный союз – был официально создан на конгрессе в Модене (23–25 ноября 1912 года), объединив многочисленные рабочие организации в Апулии (где началась деятельность Джузеппе Ди Витторио) и долине реки По (особенно в Парме), а также устойчивые ядра металлистов в Милане, в провинции Генуи (особенно в Сестри-Поненте) и в металлургической и судостроительной промышленности на тосканском побережье Тирренского моря (Ливорно и Пьямбино). Здесь сошлись как вышедшее из ИСП революционное синдикалистское течение во главе с Альцесте Де Амбрисом, так и анархо-синдикалистская составляющая, главным ориентиром которой был Армандо Борги, объединённые решительной оппозицией реформистской Всеобщей конфедерации труда (ВКТ) Ринальдо Риголы.

¹⁰ - Всеобщая итальянская конфедерация труда.